

Говорят, что рожать очень больно, и Дуаньму Цин тоже хотел испытать боль, которую, возможно, придется пережить Девятнадцатому. Он не мог позволить всем страданиям достаться только Девятнадцатому. Он уже достаточно причинил ему боли в прошлом.

Он не знал, как действует это лекарство. Нужно ли принимать его и сразу забеременеть, или должно пройти время.

Девятнадцатый тренировался снаружи и, зайдя внутрь, увидел Дуаньму Цина, лежащего на столе и о чем-то задумавшегося.

— Господин, когда мы уедем отсюда?

— Завтра. Мы здесь задержались достаточно долго, все, что можно, уже увидели и попробовали. Следующее место — город Лун. Говорят, там скоро пройдет Фестиваль ста цветов, мы как раз сможем посмотреть.

Девятнадцатый оказался в объятиях Дуаньму Цина, и из-за его фантазий в определенном месте что-то начало расти, что не могло не заметить Девятнадцатый...

Девятнадцатый был немного раздражен:

— Господин, сейчас же день, это нормально?

Дуаньму Цин вдохнул аромат его волос и поцеловал шею. Девятнадцатому стало щекотно, и он попытался уклониться, но услышал жалобный голос:

— Девятнадцатый, разве я не могу хотя бы поцеловать тебя?

Девятнадцатый, стоя спиной к нему, не видел его выражения лица, но в своем воображении представил, как сейчас выглядит Дуаньму Цин. Он тихо рассмеялся и ответил:

— Можешь, конечно можешь.

Дуаньму Цин повернул его к себе и поцеловал. Девятнадцатый оперся о стол, а руки Дуаньму Цина обвили его талию, нежно поглаживая.

Дуаньму Цин легонько лизнул ухо Девятнадцатого, затем взял мочку в рот. Все ухо Девятнадцатого покраснело. Дуаньму Цин продолжил целовать его глаза, которые были красивы даже закрытыми. Его поцелуй коснулся век, и Девятнадцатый слегка дрогнул.

— Девятнадцатый, Девятнадцатый... — шептал Дуаньму Цин, целуя его. Его язык проник в рот Девятнадцатого, захватывая территорию. Раньше он пил чай Лунцзин, и аромат чая передавался между ними.

Взгляд Девятнадцатого уже не был таким ясным, как раньше, в нем появилась дымка. Он обнял Дуаньму Цина за шею, а ноги невольно обвились вокруг его талии.

— Господин... — смущенно прошептал Девятнадцатый.

Дуаньму Цин отпустил его, и тонкая серебряная нить соединила их губы. Он снова поцеловал его, не давая возможности говорить.

Девятнадцатый висел на Дуаньму Цине, когда тот перенес его на кровать. Дуаньму Цин поцеловал его ключицу, но Девятнадцатый, вернувшись к реальности, прошептал:

— Господин, ты же обещал.

Эти слова остановили Дуаньму Цина. Он сник, лежа на Девятнадцатом, тяжело дыша. Но что поделаться, он сам дал слово, и не мог его нарушить. Иначе Девятнадцатый перестал бы ему доверять, а это было бы слишком дорогой ценой.

Девятнадцатый тоже был взволнован, но не хотел продолжать. К тому же, беспомощный вид Дуаньму Цина казался ему забавным.

Обычно всемогущий Дуаньму Цин оказался в таком положении. Если бы Шэнь Бэй увидел это, он бы безжалостно над ним посмеялся.

Девятнадцатый оттолкнул его:

— Господин, не пойдешь ли ты принять холодный душ?

— ...

Дуаньму Цин с неохотой поднялся и отправился в ванную. Девятнадцатый не был так возбужден, ему нужно было лишь немного успокоиться.

Вернувшись после холодного душа, Дуаньму Цин намеренно вошел с холодным воздухом, жалобно прося объятий:

— Девятнадцатый, мне так холодно, обними меня!

— Господин, это нехорошо.

Такое выражение лица совсем не подходило его статусу. Девятнадцатый считал, что Дуаньму Цин становился все менее сдержанным. Это было неправильно. Дуаньму Цин должен быть величественным и властным, а не вести себя как ребенок.

Несмотря на это, Девятнадцатый все же подошел и обнял его, после чего оказался в его объятиях. Дуаньму Цин быстро рассеял холод с помощью внутренней энергии и сказал:

— Видишь, как только ты обнял меня, я сразу согрелся.

— ...

Скучно!

Дуаньму Цин, держа Девятнадцатого на кровати, хотел продолжить, но появились Семнадцатый и Восемнадцатый, которые следили за Лин Чэнем и Шэнь Нанем.

Семнадцатый и Восемнадцатый молча отвели взгляд. Не спрашивайте почему. Вид их господина и Девятнадцатого был слишком откровенным, особенно Дуаньму Цин, который не отпускал Девятнадцатого, несмотря на его попытки вырваться.

— Господин, Шэнь Нань, сбежав, убил несколько человек и с помощью какой-то техники поглотил их кости, что значительно улучшило его состояние.

Семнадцатый доложил Дуаньму Цину.

— Сейчас он лечит остальные раны в усадьбе и ищет лекарства от скрытых болезней. Он не

контактировал с подозрительными людьми, и тот молодой господин больше не появлялся.

Восемнадцатый просто передал собранную информацию, и они оба вышли.

Дуаньму Цин задумался. Ли Цюаньху, Шэнь Нань, те люди и Лин Чэнь — даже если не все они были связаны с Демоническим учением, то по крайней мере некоторые из них точно.

Если он не ошибается, они использовали давно утерянную технику Искусства костяного дыхания.

Эта техника была секретом Врат Гу. Раньше Врата Гу назывались «Врата Кости», но это название слишком явно указывало на их технику, поэтому они изменили иероглиф.

Искусство костяного дыхания передавалось только ученикам внутри школы. Эта техника увеличивала внутреннюю энергию с огромной скоростью и обладала большой разрушительной силой. До того, как Врата Гу были уничтожены, эта техника унесла множество жизней.

Однажды один из праведников, не жалея своей жизни, проник в Врата Гу и украл эту технику, чтобы она появилась в мире. Позже, из-за злодеяний Врат Гу, их уничтожили объединенные силы праведников, что и стало известным как Демоническое учение.

Техника Искусства костяного дыхания была уничтожена и исчезла с лица мира.

Большинство последователей Демонического учения были свободолюбивыми и презирали лицемерных праведников, поэтому их и называли Демоническим учением. Это было общее название, но они делились на несколько групп.

И не все в Демоническом учении были злодеями. Тех, кто совершал ужасные преступления, они тоже презирали. По сравнению с теми, кто говорил о справедливости, они не хотели, чтобы их сравнивали с такими людьми. Это было позором для Демонического учения.

Поэтому в мире боевых искусств часто появлялись сообщения о том, что последователи Демонического учения убивают друг друга. Но это было не так. Они просто вершили правосудие!

Теперь, когда эта техника снова появилась в мире, неизвестно, собираются ли Врата Гу возродиться или кто-то использует их имя в своих целях.

Но как бы то ни было, эти люди так или иначе нацелились на Башню Цинчэн, и Дуаньму Цин не мог этого терпеть. Он обязательно отомстит за прошлую жизнь.

Девятнадцатый, лежа на коленях Дуаньму Цина, почувствовал, что его настроение ухудшилось, и спросил:

— Господин, что случилось?

Дуаньму Цин наклонился и поцеловал его:

— Не волнуйся, ничего. Просто вспомнил, как на тебя напали.

Услышав это, Девятнадцатый вспомнил о Шэнь Нане.

— Кхм, господин, что вы сделали с Шэнем Нанем? Почему он ищет лекарство от скрытых болезней?

Тогда Дуаньму Цин решил, что это слишком кроваво, и не рассказал Девятнадцатому, чтобы не расстраивать его. К тому же, Девятнадцатый не спрашивал.

Теперь, когда он спросил, Дуаньму Цин рассказал, как мучил Шэнь Наня. Девятнадцатый думал, что это было просто пытками, но оказалось, что Шэнь Нань пострадал гораздо сильнее.

Осознав, что Дуаньму Цин сделал это ради него, Девятнадцатый почувствовал радость и сам обнял Дуаньму Цина...

Заставив его снова принять холодный душ...

Город Лун был прекрасным местом. Не только природа, но и люди были красивы. На улицах повсюду можно было встретить красивых мужчин и женщин. Внешность Дуаньму Цина и Девятнадцатого выделялась среди толпы, привлекая внимание многих.

Каждый раз, когда кто-то смотрел на Девятнадцатого, Дуаньму Цин крепко сжимал его руку, заявляя о своих правах. Но это только привлекало еще больше внимания, и всю дорогу Дуаньму Цин держал Девятнадцатого так крепко, словно боясь, что тот убежит.

На улицах было много красивых людей, и если взгляд Девятнадцатого задерживался на ком-то, Дуаньму Цин тут же дергал его и спрашивал:

— Девятнадцатый, разве я не красив?

Девятнадцатый отвечал, что красив, и тогда Дуаньму Цин спрашивал:

— Тогда почему ты смотришь на них, а не на меня?

Авторское примечание:

Дуаньму Цин: Если я еще раз приму холодный душ, я, кажется, сойду с ума...

Девятнадцатый: Ничего, если ты сломаешься, я могу быть сверху. Я не против постоянно быть сверху.

Дуаньму Цин: У-у-у, муж, пощади, у меня болит поясница!

Девятнадцатый: Я заставлю тебя почувствовать, что такое мужская боль!

<http://bllate.org/book/16706/1535103>